

способствовал формированию в последующие десятилетия двух типов западных интеллектуалов: в меньшей степени «бессильных людей», т.е. той части «интеллектуалов, которая вольно или невольно, оказавшись под пятой властвующей элиты, стала служить ее интересам, будучи бессильной предлагать и продвигать собственные проекты и решения общественных и политических проблем», и в гораздо большей степени «независимых экспертов», для которых характерно достаточно комфортное сочетание интеллектуальной известности с политической и общественно-практической деятельностью (с. 303–305).

«Впрочем, проблема влияния Ранке на западную интеллектуальную элиту XX–XXI вв. — тема возможного отдельного исследования, которое могло бы, вероятно, еще в большей степени показать значение для мировой исторической науки наследия германского историка. Во всяком случае, Леопольд фон Ранке остается и в наши дни примером настоящего историка. Это поистине Историк с большой буквы» (с. 305).

Монография обращена как к профессиональному сообществу историков, так и ко всем интересующимся историей исторической науки и, как сказано в аннотации, «интеллигентоведением». Книга будет полезна всем студентам-историкам, которые рассматривают принцип историзма в качестве методологической основы своих курсовых и выпускных квалификационных работ.

Библиография

Баранов Н.Н. Леопольд Ранке: историк и его метод // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч.

ст., посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 36–41.

Биск И.Я. История исторической мысли в новое время (Западная Европа: XVIII в. — 90-е годы XIX в.): учеб. пособие. Иваново, 1983.

Савельева И.М., Поletaev A.B. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. 18. С. 76–81.

Юсим А.М. Идея истории и формула Л. фон Ранке // Люди и тексты: исторический альманах. 2016. № 8. С. 172–185.

References

Baranov N.N. Leopold Ranke: istorik i ego metod [Leopold Ranke: a historian and his method] // Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sb. nauch. st., posvyashchennyj 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo [Russia and the world: a panorama of historical development: coll. scientific article dedicated to 70th Anniversary of the Faculty of History of the Ural State Education university A.M. Gorky]. Yekaterinburg, 2008. S. 36–41. (In Russ.)

Bisk I.Ya. Istoriya istoricheskoy mysli v novoe vremya (Zapadnaya Evropa: XVIII v. — 90-e gody XIX v.): ucheb. posobie [History of historical thought in modern times (Western Europe: 18th century — 90s of the 21st century): textbook, allowance]. Ivanovo, 1983. (In Russ.)

Savelyeva I.M., Poletaev A.V. Stanovlenie istoricheskogo metoda: Ranke, Marks, Drojzen [The Formation of the Historical Method: Ranke, Marx, Droyzen] // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii [Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History]. 2007. Vyp. 18. S. 76–81. (In Russ.)

Yusim A.M. Ideya istorii i formula L. fon Ranke [The idea of history and the formula of L. von Ranke] // Lyudi i teksty: istoricheskij al'manah [People and texts: a historical almanac]. 2016. № 8. S. 172–185. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640022425-5

© 2022 г. **А.М. Филитов**

КАК ЗАКОНЧИЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ЧТО ЗА ЭТИМ ПОСЛЕДОВАЛО. РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С НОВОЙ КНИГОЙ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

Рец. на книгу: ОКОНЧАНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ. 1985–1991 / под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2021. 302 с.

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

A.M. Filitov

HOW THE COLD WAR ENDED AND WHAT FOLLOWED. REFLECTIONS ON A NEW BOOK BY RUSSIAN AND INTERNATIONAL HISTORIANS

Rec. ad op.: THE END OF THE COLD WAR IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES AND HISTORIANS. 1985–1991 / eds O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities, 2021. 302 p.

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

30 с лишним лет со времени окончания холодной войны — срок, достаточный для сбалансированного и всестороннего исследования этого исторического явления. Именно такой анализ предлагают читателю пятнадцать авторов, представляющих широкий спектр национальных историографий, различных исследовательских подходов и тематических блоков сборника «Окончание холодной войны в восприятии современников и историков».

Формально речь идет о публикации материалов научной конференции, прошедшей в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) в марте 2019 г. Однако, в отличие от традиционных сборников такого рода, в которых, как правило, соседствуют статьи разного масштаба и замысла, порой мало связанные друг с другом, в данном случае создан цельный, монолитный труд, объединенный общим замыслом — осветить важнейшие дискуссионные проблемы недавнего прошлого с позиций сегодняшнего дня. Не случайно его отдельные структурные элементы — не статьи (как это принято при издании материалов научных форумов), а главы (как в коллективной монографии). Они сведены в три исследовательских кластера, каждый из которых в принципе мог бы стать основой самостоятельной монографии.

Первый из них посвящен проблемам соотношения внутренних и внешних факторов в процессе «увядания» холодной войны и возможных альтернативных вариантов развития этого процесса. О.В. Павленко (РГУ) посвятила свое исследование проблеме взаимодействия различных «центров силы» в позднем Советском Союзе, лишь внешне казавшемся единой и монолитной системой. Автору удалось привлечь ряд ценных новых источников (наиболее интересные среди них — аналитические материалы КГБ СССР и дневниковые записи помощника министра иностранных дел Степанова-Мамаладзе). Перед читателем возникает довольно неприглядная картина происходящего в руководстве страны: взаимные обвинения, доходящие до прямого хамства (причем наиболее отличались как раз представители «прогрессивного», «западнического» крыла правящей элиты, от которых можно было бы ожидать соблюдения бо-

лее строгих этических норм), малообоснованные перетряски в Минобороны и МИДе, непоследовательность в принятии политических решений. Все это объясняет, почему международный конфликт Востока и Запада закончился для Советского Союза не самым оптимальным образом.

Эту мысль продолжает в следующей главе В.О. Печатнов (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ) — характерен сам ее заголовок «Как иначе могла закончиться холодная война?». Определенные издержки в советской внешней политике и дипломатии он диагностирует еще во времена Хрущева и Брежнева. Высоко оценивая договоренности начала 1970-х годов по снижению международной напряженности, В.О. Печатнов склонен возлагать ответственность за новый виток конфронтации на советское руководство: «Разрядка рассматривалась в Москве не как способ закрепления сложившегося статус-кво, а как возможность добиться дальнейших сдвигов соотношения сил в мире в свою пользу, потеснив “американский империализм” с его позиций» (с. 71). Парадоксальным образом Брежнев выглядит даже хуже, чем Сталин: «если сталинская политика при всей ее жестокости могла претендовать на некоторое оправдание в плане обеспечения реальных интересов безопасности границ СССР, то советское “геополитическое наступление” 1970-х годов в третьем мире имело с ними мало общего и, по сути, являлось порождением великодержавных амбиций, подогреваемых соперничеством холодной войны» (с. 74–75). При всем уважении к данному историку и авторам мемуаров, цитаты из которых подкрепляют указанную точку зрения, категоричность в ее формулировке вызывает некоторые сомнения. Положим, сандинистскую революцию в Никарагуа поддержал не только Советский Союз, но и такая неправительственная организация, как Социалистический интернационал, которой «великодержавные» мотивы приписать крайне сложно¹.

¹ *Rother B. Sozialdemokratie global. Willy Brandt und die Sozialistische Internationale in Lateinamerika. Frankfurt am Main, 2021.*

В чем с В.О. Печатновым можно согласиться безусловно, так это в крайне отрицательной оценке политики США в период перехода к миру после холодной войны. «США сделали явно недостаточно, чтобы помочь СССР закрепиться на прозападном, рыночно-демократическом пути развития», — отмечает он, в дальнейшем даже усиливая свой критический пафос: дело было не столько в недостаточности западной помощи, сколько в явной поддержке тех, кто хотел максимально ослабить глобального конкурента, каким считалась советская страна, а затем ее правопреемник — Российская Федерация. «“Шокотерапия” по рецептам МВФ привела к дискредитации рынка и демократии в российском обществе, а экспансия НАТО на восток — к изоляции России от европейской системы безопасности и росту в ней антизападных настроений». Автор не склонен преуменьшать роль внутренних факторов в развале советской системы и издержках построения новой России (более того, он считает, что за данное развитие событий «главная ответственность лежит на позднем советском и раннем постсоветском руководстве»), однако, по его мнению, «с учетом колоссальных трудностей российского транзита даже небольшой “довесок” эффективного западного участия мог бы склонить чашу весов в сторону его успеха» (с. 75–76). Мысль небесспорная, но она — хорошее противоядие против сверздeterminистского взгляда на историю, согласно которому все, что случилось, то и должно было случиться с фатальной неизбежностью.

Такой фатальной неизбежности в дезинтеграционных процессах, которые развертывались в позднем СССР, не усматривает и американский исследователь М. Крамер (Гарвардский центр по истории холодной войны). Он пишет, в частности: «...нет оснований считать, что проблемы, стоявшие перед Советским Союзом в 1985 г., были столь суровыми, что они требовали спешных и радикальных акций. ... Существовал националистический сепаратизм, но он не представлял даже отдаленную угрозу для советского строя. КГБ подавил незначительное диссидентское движение. Огромная масса интеллигенции ворчала как всегда, но получаемые ею массивные субсидии от государства обеспечивали ее общую лояльность. ... Советская экономика с начала 70-х годов обнаруживала менее быстрый рост в сравнении с более ранним периодом, но она к 1985 г. не была в состоянии кризиса... Подлинный экономический кризис начался в 1990–1991 гг., и он был вызван политикой Горбачева» (с. 106). Такие высказывания тем более примечательны, что еще недавно Крамер придерживался совсем иных взглядов. В ходе международной дискуссии, состоявшейся в 2011–2012 гг., он, опираясь в том числе на некие документы ЦРУ, рисовал картину повсеместного массового недовольства в советском социуме, закономерно при-

ведшего к его коллапсу². Отказ от этой мифологии можно только приветствовать.

Другой американский историк Д. Холлоуэй (Стэнфордский университет) убедительно опровергает еще один миф о том, что якобы перелом в сторону демонтажа холодной войны был обусловлен успешной американской тактикой шантажа в отношении СССР: то ли размещением в Европе першингов и крылатых ракет, то ли выдвижением программы милитаризации космоса — пресловутой «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Что касается последней, то, аргументирует автор, во-первых, эта «рейгановская идея не воплотилась в реальность», т.е. была блефом, а во-вторых, «в любом случае Советский Союз был способен дать на нее асимметричный ответ, который сохранил бы ситуацию взаимного сдерживания» (с. 90).

Количественные и качественные параметры этой системы «взаимного сдерживания» раскрывает А.Б. Безбородов (РГУ). Пожалуй, впервые в рамках столь компактного текста читатель получает столь полное представление об оборонном потенциале СССР и его трансформации за 30 с лишним лет существования новой России. Приведенные в главе факты свидетельствуют о том, что оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации обеспечивает в полной мере сохранение стратегического паритета с США, что является важнейшим фактором, делающим невозможным развязывание глобального ядерного конфликта.

Вторую часть монографии открывает эссе видного австрийского историка Шт. Карнера (Университет Граца), где прослеживается цепь событий на австро-венгерской границе от начала демонтажа пограничных сооружений в мае 1989 г. до «панъевропейского пикника» 19 августа того же года и окончательного открытия границы 11 сентября. Автор справедливо считает эти события своего рода предвестником слома Берлинской стены. Хотелось бы лишь побольше узнать о перипетиях тайных переговоров между руководителями ФРГ и Венгрии, состоявшихся 25 августа 1989 г. Носили ли они столь сентиментальный характер, как это описывает автор? Или речь шла о холодной сделке в духе «реалполитик»: Будапешт получил западногерманские кредиты, а Бонн — очередной выигрыш в пропагандистской войне против ГДР?

«Венгерская тема» получает дальнейшее развитие в главе об эволюции «доктрины ограниченного суверенитета» («доктрины Брежнева»), которая легитимизировала вмешательство во внутренние дела стран социалистического содружества в случае успешного применения Западом «жесткой» или «мягкой» силы для изменения существующего там строя. Автор этой главы — А.В. Стыкалин (Институт славяноведения РАН), в частности, подробно

² Kramer M. The Unintended Revolution. Commentary on “Criticism as Crisis or Why the Soviet Union still Collapsed” // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. № 1. P. 12–14.

прослеживает то, как менялись официальные советские оценки венгерских событий 1956 г. В фокусе его внимания оказываются также позиции в отношении «доктрины Брежнева» лидеров других стран — союзников СССР по Варшавскому пакту. Особенно пикантно выглядит неожиданный демарш руководителя Румынии Н. Чаушеску: будучи в свое время одним из самых ярких критиков этой доктрины, он в 1989 г. выступил за ее применение в отношении Польши в связи с утратой там коммунистами монополии на власть (с. 150).

Как советское руководство реагировало на сложные процессы, которые имели место в Югославии в конце 80-х — начале 90-х годов и привели в конечном счете к ее распаду, — сюжет исследования С.А. Романенко (РГГУ). Процессы эти начались с раскола в руководстве правящей партии — Союза коммунистов, однако, как следует из фактов, приводимых автором, этому критически важному моменту должного внимания не уделялось; считалось, что югославская армия, силовые структуры обладают достаточным потенциалом, чтобы обеспечить сохранение единства страны и ее социалистической модели. Думается, такие оценки сыграли свою роковую роль в отношении судеб не только Югославии, но и СССР, где раскол и падение авторитета КПСС решили компенсировать созданием ГКЧП. Результат в комментарии не нуждается. Хотелось бы отметить лишь одно досадное разночтение в авторском тексте: в начале главы датой принятия Парижской хартии для новой Европы называется 21 ноября 1990 г. (с. 174), а в ее конце — 21 декабря (с. 194). Верна, конечно, первая датировка.

Две главы монографии посвящены советской политике в германском вопросе накануне и после слома Берлинской стены. Что представляло собой советское военное присутствие в Германии и как произошел его демонтаж в условиях осуществления германского единства (по западному образцу) и обретения немцами суверенитета (в рамках НАТО) — эти проблемы исследует молодой российский историк, автор ряда ценных работ по современному бундесверу ФРГ Ф.О. Трунов (Институт научной информации по общественным наукам РАН). Можно согласиться с ним в том, что этот демонтаж мог бы проходить более плавно и на более выгодных для СССР (а затем России) условиях и что со стороны советского руководства были в этом отношении допущены определенные ошибки. Однако называть политику Горбачева на этом основании «антисоветской» (с. 133) — это, пожалуй, явный перебор. Не вполне ясен тезис автора насчет возможности «сохранения военного присутствия СССР в восточных землях объединенной Германии в реалиях 1990 г.» (с. 165). Если имеется в виду временное пребывание Западной группы войск (ЗГВ) на территории бывшей ГДР, то эта возможность была реализована: советские (а затем российские) военные контингенты оставались там до сентября 1994 г. Если же подразумевается их размещение там на постоянной

основе, то такой вариант был явно за гранью реального, не говоря о том, что его не приняли бы немцы. Советское (соответственно — российское) военное присутствие на территории государства, входящего в противостоящий военный блок, было бы лишено всякого смысла и было бы даже контрпродуктивно, имея в виду, в частности, практику шпионажа и вербовки агентуры со стороны западных спецслужб, имевшую место в отношении военнослужащих ЗГВ в период 1990—1994 г. Считать, что такое урегулирование для ЗГВ «было бы похоже на функционирование группировки Вооруженных сил РФ в Калининградском полуострове (? — А.Ф.)» (с. 166) — это, мягко говоря, некорректно.

В другом аспекте развивает критику в адрес позднесоветского руководства специалист по истории российско-германских отношений Б.Л. Хавкин (РГГУ): «существовавшая в октябре 1989 г. уникальная для СССР возможность получить помощь от деловых кругов ФРГ — 500 млрд немецких марок безвозмездно и кредит на выгоднейших условиях на 1,25 трлн марок — была упущена. Также была упущена возможность получить 100—120 млрд марок от правительства ФРГ» (с. 173). Сам этот тезис и проистекающие из него аргументы отнюдь не новы. В основе их — содержание двух записок: директора Института экономики мировой социалистической системы О.Т. Богомолова на имя М.С. Горбачева (от 28 октября 1989 г.) и на имя его помощника А.С. Черняева (от 3 ноября того же года) с приложением перевода некоего доверительного документа, полученного сотрудником института В.И. Дашичевым во время его служебной командировки в ФРГ. Как и всякий исторический источник, данный документ требует критического анализа, и, к чести автора записок, он стал первым, кто такой анализ предпринял. В тексте, отправленном А.С. Черняеву, оговаривалось: «У меня нет полной уверенности в том, что за авторами проекта стоят реальные силы промышленных кругов ФРГ. Это можно будет выяснить только путем продолжения нашего зондажа на переговорах экспертов, которые немецкая сторона предлагает начать 7 декабря с.г. в Москве, ФРГ или на нейтральной почве»³.

К сожалению, вместо продолжения критического анализа проекта в посвященных ему публикациях⁴ появлялись все новые «открытия», порой оказывающиеся в противоречии с первоначальными версиями. Только один пример, в записке О.Т. Богомолова при характеристике проекта отмечено: «банки, как и правительственные круги,

³ Богомолов О. Неизвестные страницы истории // Экономические стратегии. 2011. № 9. С. 67.

⁴ Новые материалы по решению германского вопроса 1989—1990 г. // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 94—116; Дашичев В.И. От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. М., 2015. С. 272—275.

пока к нему не привлекались»⁵. Б.Л. Хавкин пересказывает эту фразу по-своему: «Политические и правительственные круги ФРГ к этому плану пока не привлекались». Очевидно, для того, чтобы в число авторов добавить еще и председателя Немецкого банка А. Гергаузена, который, по мнению Б.Л. Хавкина, поплатился за это, погибнув от рук террористов из «Красных бригад» (с. 168). Источник такой сенсационной информации остается неизвестным. Немецкая юстиция выдвигала подозрения в адрес террористической организации «Фракция Красной армии» («Красные бригады» явно ни при чем, поскольку они действовали в Италии) и даже МГБ ГДР, так и не придя к какому-либо окончательному вердикту. Вряд ли российский историк в этом вопросе более компетентен.

Заметим, что, произвольно расширяя круг сторонников проекта, Б.Л. Хавкин не приводит высказывания О.Т. Богомолова, где тот выражает сомнения насчет «веса» его авторов и считает, что обо всем можно судить только после встречи «экспертов» в декабре. Между тем уже буквально через несколько дней после передачи «навех» его информации рухнула Берлинская стена, начался прогрессирующий развал восточногерманского государства и ФРГ уже не нуждалась в советском факторе, чтобы этот процесс подтолкнуть. В этой обстановке призыв к советскому руководству — «сдайте ГДР и получите все, что хотите» (а именно в этом была суть проекта) — потерял свою актуальность: ГДР и так уже «сдалась». Западные марки пошли теперь на финансирование процесса объединения, а затем — интеграции «новых земель». Советское руководство в данном случае трезво оценило ситуацию и никак не прореагировало на мертворожденный проект. Никакой «упущенной возможности» в данном случае не было.

Вторую часть монографии завершает глава о культурной дипломатии США в отношении стран социалистического содружества, принадлежащая перу Н.А. Цветковой (Санкт-Петербургский университет). На наш взгляд, более логично она смотрелась бы в третьей части («Изменения в сознании людей по обе стороны Атлантики»), тем более что одна из глав там посвящена «научной и образовательной дипломатии США и СССР» (автор М.М. Сиротинская, Институт всеобщей истории РАН). Читателю был бы яснее контраст между примитивным «культуртрегерством», нацеленным на экспансию «американского образа жизни», и ориентацией на равноправное сотрудничество стран в сфере культуры, науки и образования. Советско-американские контакты на неформальном уровне исследованы российским журналистом А.Н. Ажгихиной главным образом на основе личных заметок и интервью. Среди участников этих контактов — представители самых разных «фокус-групп»: литераторы, киноведы, феминистки и даже любители эзотерики.

Если Н.А. Цветкова постулирует «триумф культурной дипломатии США», то исследование американского историка Д.С. Фоглсона (Рутгерский университет) позволяет сделать вывод о триумфе советской «народной дипломатии», успешно преодолевшей сопротивление противников разрядки. Вот как описывает автор события, разыгравшиеся в провинциальном калифорнийском городке Реддинг: «Когда в субботу 16 апреля (1988 г.) четверо советских гостей прибыли для участия в публичном форуме, перед зданием школы их встретила дюжина протестующих. Они напечатали заранее около 3000 экземпляров брошюр, которые раздавали собравшимся, и вдобавок развернули 30-футовый транспарант с серпом и молотом и надписью: “Берегись медвежьих объятий”. Когда форум начался, врач-косметолог, бывший в плену во время войны в Корее, встал и прервал вступительное слово заявлением, что считает программу, предусматривавшую вопросы в письменном виде, “фарсом”. Однако он был ошарашен аудиторией, после чего покинул зал. На протяжении последующих полутора часов дружелюбно настроенная аудитория из примерно 150 человек выслушивала ответы на свои вопросы от политолога из Москвы, студента художественного училища из Тбилиси, студента юридического факультета и вице-президента Комитета защиты мира Грузии. В конце советских ораторов приветствовали долгими аплодисментами, после чего они тепло попрощались с собравшимися» (с. 227–228; перевод мой. — А.Ф.).

Текст по стилю напоминает газетный репортаж, и это соответствует действительности. Д.С. Фоглсонг провел огромную работу, просмотрев материалы множества провинциальных американских газет и включив в свою главу представительную выборку опубликованных в них статей и заметок о контактах между представителями общественности США и СССР. Российский читатель впервые узнает о существовании таких органов печати, как Redding Record Searchlight (откуда взята цитированная выдержка), Carrollwood News или Hammond Times. Сформированный, таким образом, барометр общественного мнения «глубинной Америки» показал однозначный результат: «американские и советские граждане не были простыми свидетелями окончания холодной войны; они помогли этому случиться на уровне своих жилищ и общин» (с. 233).

Здесь представляется уместным поделиться и личным опытом участия если не в «народной», то «научной» дипломатии. Автор этих строк в период 1986–1990 гг. трижды посетил США в составе делегаций советских историков на форумах, посвященных началу, ходу и, естественно, окончанию холодной войны. «Архивная революция» в нашей стране тогда только-только начиналась, и наши американские коллеги имели основания быть разочарованными малым количеством новых первоисточников в наших докладах. Впрочем, если это разочарование и было, оно не выливалось в какие-то выражения недовольства или тем более в обвинения. Особой

⁵ Богомолов О. Неизвестные страницы истории. С. 65.

эйфории не ощущалось, но не было и взаимного отторжения. Что слегка настораживало — так это подспудно проявлявшееся у наших коллег представление, что дальнейшее развитие СССР пойдет по американскому образцу или вообще никуда не пойдет. Вспоминаю свой разговор с Джоном Гэддисом на полях конференции в Афинах (штат Огайо) осенью 1988 г.⁶ На мой совет по крайней мере ментально допустить, что демократизация в СССР может пойти по какому-то иному пути, чем американский или западноевропейский, и не питать иллюзий противоположного толка, последовало вежливое молчание с иронической улыбкой, как мне показалось, полуулыбкой: не нуждаемся мы в ваших советах, это вы должны слушать наши... Результат известен — его достаточно ярко описал В.О. Печатнов, о чем уже говорилось выше.

Еще один эпизод из сферы «научной дипломатии»: лето 1990 г., российских и американских историков, участников конференции, организованной Вашингтонским Институтом мира, принял заместитель государственного секретаря США Л. Иглбергер. Поскольку в ходе первой части конференции, которая состоялась в Москве, делегации были приняты министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, предусматривалось, что и в Вашингтоне их примет глава Госдепартамента; однако госсекретарь Бейкер был, как нам сообщили, в отъезде. Тем не менее уровень беседы был достаточно высокий, мы выслушали немало комплиментов по поводу гласности и перестройки, а также советов, как дальше развивать демократию, но тут один из моих коллег взял слово и высказался в духе крылатой фразы: «не учите меня жить, лучше помогите материально». В ответ последовало разъяснение: как раз сейчас в США, мол, трудно с финансами, и в этой связи хорошо бы вначале решить вопрос с советской задолженностью Америке. Ответ на недоуменный вопрос, о чем идет речь, последовал такой, которого никто не ожидал: «долги Керенского». Выходило, что не США должны помочь советскому «транзиту», а СССР должен помочь США в их «тяжелом» положении. Сидевший рядом со мной американский историк взял ручку, написал на листке бумаги крупными буквами, чтобы я увидел, короткое слово «shit» и весело убрал бумажку. Показательный штрих для характеристики поведения наших зарубежных коллег: можно назвать рассуждения представителя власти «дерьмом» — но в частном порядке и так, чтобы это не стало широко известным. Возможности и границы «научной дипломатии» оказались не слишком широкими — увы!

Вернемся, однако, к монографии, ставшей предметом нашего анализа. Он был бы неполон, если не сказать о главе, написанной В.И. Журавлевой

(РГУ), являющейся вместе с О.В. Павленко редактором издания. Как известно, научные прорывы происходят на стыке разных дисциплин; в данном случае можно говорить даже не о стыке, а о сплаве двух наук — американистики и имагологии, что отражается уже в названии главы: «Окончание “холодной войны образов”: визуальный поворот в советско-американских отношениях». Художественное кино, мультфильмы, политическая карикатура — основные объекты ее исследования. Эта тематика достаточно далека от научных интересов и компетенций автора этих строк, и потому попытка подробного разбора тезисов и аргументов, представленных В.И. Журавлевой, была бы вряд ли целесообразна. Остановилось лишь на одном образе, который даст возможность перейти к заключительной части нашего эссе, где хотелось бы поделиться с читателем некоторыми общими замечаниями о непреходящих стереотипах нашего исторического мышления и путях их преодоления.

Речь идет о карикатуре с обложки журнала «Крокодил» (№ 29 за 1990 г.), где изображены Горбачев и Буш в виде боксеров, которым судья (фигура с головой в виде земного шара, символизирующая благодарное человечество) поднимает руки как победителям, а на ринге распростерлось тело побежденного, вернее, побежденной, поскольку на туловище тела видна надпись «Холодная война», а это существительное женского рода. Рисунок, переизданный затем в виде отдельного плаката, назван коротко и ясно: «Нокаут» (с. 240). Образ может вызвать протест со стороны феминисток и/или любителей бокса: двое мужиков избili женщину — где же тут гендерная корректность и какой же тут спорт? Впрочем, как политический посыл все правильно: два лидера сверхдержав покончили с порочной реальностью прошлого, они настоящие победители... Но вот вопрос: как это сочетается с тезисом, что СССР проиграл, а США выиграли холодную войну? Между тем этот тезис нет-нет да и проскакивает у авторов книги. Причем любопытный нюанс — именно у российских. В главах, принадлежащих зарубежным ученым, он отсутствует. Более того, на той же странице, где напечатана эта карикатура, приводится ссылка на книгу бывшего посла США в Москве Дж.Ф. Мэтлока, название которой говорит само за себя: «Рейган и Горбачев. Как закончилась “холодная война”... и все выиграли» (М., 2005 г.)⁷. Сама В.И. Журавлева там же отмечает, что «победа в холодной войне была совместной». К сожалению, эта мысль не получает развития, и, очевидно, уместно более подробно на этой проблеме остановиться.

Говоря о победе или поражении, многие авторы умышленно или неумышленно путают три феномена и, соответственно, три понятия, хотя и связан-

⁶ Ёмкую характеристику взглядов этого историка и его места в американской историографии (очень высокого) дает в своей главе В.О. Печатнов (с. 65–66).

⁷ Речь идет о переводе англоязычного издания: *Matlock J.F. Reagan and Gorbachev. How the Cold War Ended.* New York, 2004.

ных друг с другом, но далеко не идентичных: окончание военной конфронтации на мировой арене (то, что и называлось холодной войной), окончание «социалистического эксперимента» на значительной части земного шара и, наконец, окончание существования Советского Союза — страны, наиболее полно воплотившей в своей истории этот эксперимент. В большинстве работ, написанных по свежим следам этих событий, дело представлялось таким образом, что крах социалистической модели и распад СССР предшествовали концу холодной войны и, собственно, стали предпосылкой и причиной этого конца. Против этой точки зрения говорит даже простая хронология: Советский Союз прекратил свое существование два года спустя после того, как Горбачев и Буш на Мальте провозгласили новую эру сотрудничества (а если брать за точку отсчета в процессе окончания холодной войны падение Берлинской стены, то интервал будет даже больше). Такая последовательность событий отражает простой исторический факт: никакие изменения в советском социуме в сторону отказа от догматики в сфере экономики, политики и идеологии не были бы возможны в условиях международной напряженности и конфликтности. Без коренных сдвигов на мировой арене 1986—1987 гг. (грубо говоря — от Рейкьявика до Договора о ракетах средней дальности), без демонтажа «образа врага» не было бы ни перестройки, ни гласности. Замечу, кстати, то, как закончилась холодная война, у многих, включая данного автора, не ослабило, а укрепило доверие к власти и веру в социализм: вот теперь-то, используя средства, высвободившиеся от гонки вооружений и от поддержки непопулярных режимов, он покажет свое преимущество над прогнившей капиталистической системой с ее кризисами, безработицей и прочими пороками... Действительность быстро рассеяла эти иллюзии. В статье, которую я написал для американского журнала *Diplomatic History*⁸ на излете 1990 г., уже не фигурировала идея соревнования двух систем (исход его был очевиден), а выдвигалась гипотеза, что в результате победы *над* (курсив мой. — А.Ф.) холодной войной формируется некая новая «мировая цивилизация», основные характеристики которой определялись как «рынок» в сфере экономики и «демократия» в сфере политики⁹. Речь шла о косвенной полемике с тезисом Ф. Фукуямы о «конце истории», что было коротко отмечено редактором-составителем сборника, сформированного из статей двух номеров *Diplomatic History*: «Филитов и в какой-то мере Ла

Фибер¹⁰ видят в окончании холодной войны возвращение к истории, а не ее конец»¹¹.

К сожалению, это «возвращение» оказалось отнюдь не триумфальным. Жертвами социально-политического «транзита» (используя терминологию В.О. Печатнова) стали не только большинство советских граждан, но и сам Советский Союз. Версий о причинах такого развития событий множество. Не впадая в искушение саморекламы, укажу на свое участие в большой международной дискуссии о причинах распада СССР, начатой немецким историком Й. Баберовски (в ней также участвовали его коллеги М. Хильдемайер и М. Крамер, о чем уже говорилось выше)¹². Свою статью, представленную на этом круглом столе, я опубликовал в несколько расширенном виде в журнале историков стран СНГ¹³. В том же номере журнала помещена статья А.В. Шубина¹⁴, в которой, в частности, убедительно разоблачается версия о якобы роковом для СССР факторе снижения цен на нефть — излюбленный довод тех, кто говорит о «поражении СССР в холодной войне»¹⁵. А.В. Шубин обоснованно говорит о «поражении, которого не было»¹⁶. В этом наши мнения совпали, во многом другом — разошлись. Это относится и к оценке роли КПСС: с точки зрения автора этих строк, реформированная партия могла стать локомотивом более гармоничного развития страны, А.В. Шубин не склонен видеть здесь жизнеспособную альтернативу, его больше интересует деятельность неформальных и спонтанных движений «снизу». Разумеется, ни та ни другая точка зрения не может претендовать на истину в последней

¹⁰ Речь идет о выдающемся американском историке, который одним из первых выступил против западной мифологии о холодной войне; именно он во время своего визита в Москву предложил мне поучаствовать в международном форуме, посвященном ее окончанию. Его недавний уход из жизни — большая потеря для исторической науки.

¹¹ The End of the Cold War. P. 4.

¹² *Baberowski J.* Criticism as Crisis, or Why the Soviet Union Still Collapsed // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 2. P. 148–166; *Hildemeier M.* “Well said is half a lie”. Observations on Jörg Baberowski’s “Criticism as Crisis, or why the Soviet Union still Collapsed” // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 3. P. 289–297; *Filitov A.* The End of the Cold War and the Dissolution of the USSR // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 3. P. 298–307; *Kramer M.* Op. cit. P. 5–18; *Baberowski J.* “Badly Said is Badly Lied”. Reply to my Critics // *Journal of Modern European History*. 2012. Vol. 10. № 1. P. 19–23.

¹³ *Филитов А.М.* Конец холодной войны и распад СССР. Проблема закономерности и альтернативности // *Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ*. 2011. С. 245–254.

¹⁴ *Шубин А.В.* К дискуссии о причинах перестройки // *Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ*. 2011. С. 227–244.

¹⁵ Там же. С. 240–244.

¹⁶ Там же. С. 240.

⁸ Victory in the Postwar Era: Despite the Cold War or Because of It? // “*Diplomatic History*”. 1992. Vol. 16. № 1. P. 52–60; Перепечатано в сборнике: *The End of the Cold War. Its Meaning and Implications* / ed. M. Hogan. New York, 1992. P. 77–86.

⁹ The End of the Cold War. P. 80.

инстанции. Свои статьи по тематике соотношения холодной войны и развала СССР я завершал призывом к продолжению дискуссии. Увы, призыв этот не был услышан. Хотелось бы надеяться, что это случится на этот раз.

Библиография / References

Дашичев В.И. От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. М., 2015.

Новые материалы по решению германского вопроса 1989–1990 гг. // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 94–116.

Филитов А.М. Конец холодной войны и распад СССР. Проблема закономерности и альтернативности // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 245–254.

Шубин А.В. К дискуссии о причинах перестройки // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 227–244.

Dashichev V.I. Ot Stalina do Putina. Vospominaniia i razmyshleniia o proshlom, nastoiashchem i budushchem [From Stalin to Putin. Memories and reflections on the past, present and future]. Moskva, 2015. S. 272–275. (In Russ.)

Filitov A.M. Konets kholodnoi voiny i raspad SSSR. Problema zakonornosti i al'ternativnosti [The end of the Cold War and the collapse of the USSR. The problem of regularity and alternativeness] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical space. Problems of the history of the CIS countries]. 2011. S. 245–254. (In Russ.)

Novye materialy po resheniiu germanskogo voprosa 1989–1990 gg. [New materials on the solution of the German question 1989–1990] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern

and Contemporary History]. 2011. № 6. S. 94–116. (In Russ.)

Shubin A.V. K diskussii o prichinakh perestroika [To the discussion about the causes of perestroika] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical space. Problems of the history of the CIS countries]. 2011. S. 227–244. (In Russ.)

Baberowski J. “Badly Said is Badly Lied”. Reply to my Critics // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. № 1. P. 19–23.

Baberowski J. Criticism as Crisis, or Why the Soviet Union Still Collapsed // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 2. P. 148–166.

Filitov A. The End of the Cold War and the Dissolution of the USSR // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 3. P. 298–307.

Filitov A. The End of the Cold War. Its Meaning and Implications / ed. M. Hogan. New York, 1992. P. 77–86.

Filitov A. Victory in the Postwar Era: Despite the Cold War or Because of It? // “Diplomatic History”. 1992. Vol. 16. № 1. P. 52–60.

Hildemeier M. “Well said is half a lie”. Observations on Jörg Baberowski’s “Criticism as Crisis, or why the Soviet Union still Collapsed” // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 3. P. 289–297.

Kramer M. The Unintended Revolution. Commentary on “Criticism as Crisis or Why the Soviet Union still Collapsed” // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. № 1. P. 5–18.

Matlock J.F. Reagan and Gorbachev. How the Cold War Ended. New York, 2004.

Rother B. Sozialdemokratie global. Willy Brandt und die Sozialistische Internationale in Lateinamerika. Campus Verlag, Frankfurt am Main, 2021.